

ции лица, числившегося в составе царского двора, так как его титул мог быть только почетным. В данных случаях пришлось бы выяснить и происхождение титулатуры, корни которой тянулись из фараоновских времен.

В разделе «Международные отношения и внешние владения Лагидов» составители следуют принципу, что присутствие птолемеевских гарнизонов в общем не связано с положением данного города по отношению к Птолемам. Всех военных, размещенных здесь, они считают состоящими в оккупационных войсках. Из этого составители сделали вывод, что просопографические данные, которые относятся к внешним владениям, а также к территориям, находящимся под влиянием Лагидов, и, следовательно, относящиеся к международным отношениям, вообще трудно различимы. Поэтому вместо простого расчленения на два раздела — международные отношения и внешние владения — составители предложили в рамках этого объединенного раздела детальное и более гибкое, по их мнению, расчленение на несколько списков. Первый и второй списки содержат имена лиц разного положения: послов и рядом с ними различных помощников и посредников. У большого числа лиц этой категории трудно определить ранг или их компетенцию, так как нет достаточных сведений о поручениях, которые они выполняли (политических, экономических, религиозных). Поэтому они сгруппированы по имеющимся у них титулам. Составители объединили и всех тех, кто, хотя обозначен в источниках по-разному, но, по-видимому, выполнял одинаковые функции. В ряде случаев при отсутствии титула составители исходили из результатов исследования контекста источника, где данное лицо было упомянуто. Далее помещены списки проксонов, списки теодороков и теоров. Имеется особый список жрецов, которые определены как обслуживающие культ Птолемея за границей. Некоторые термины, как заметили при этом составители, скрытым образом отражают культ Птолемея. Например, титул *ἱεροεὐεργέτης*, присвоенный со времени правления Епифана стратегу о-ва Кипра.

Затем мы знакомимся со списками правителей различных областей, начальников гарнизонов и т. д. (За исключением лиц, связанных с морским командованием, так как последние были перечислены в V томе.) Поскольку в просопографии учитываются только «оккупационные» силы, то в списки данного раздела не попали местные цари и правители, которых Лагиды первоначально оставили на их местах в Финикии или на о-ве Кипре. Серия начальников птолемеевских военных отрядов имела различные титулы. Далее помещены списки других царских уполномоченных со специальными юри-

дическими или финансовыми заданиями, выполнявших временные функции и получивших назначение от царя или от его высокопоставленных чиновников. Как справедливо делают вывод авторы просопографии, из этих списков вообще очевиден случайный, порождаемый возникающими ситуациями и неупорядоченный характер птолемеевской деятельности. В просопографии отмечен далее технический и рядовой состав на службе у Птолемея.

Чтобы составить понятие о финансовой организации внешних владений Лагидов, предупреждают составители, недостаточно ограничиваться списком, помещенным в VI томе. Надо начинать с высшей финансовой администрации, находившейся в Александрии, данные о которой собраны в I томе просопографии. Списки различных чинов из этого раздела должны быть также пополнены лицами из других списков VI тома и частично — из тома II.

Необходимо также остановиться на списках египтян за границей и «иностранцев в Египте». Александрийцы за границей и «прочие» египтяне за границей сгруппированы отдельно. Как видно из двух списков, количество александрийцев, выезжавших за границу, по сравнению с другими жителями Египта преобладало. Специальные списки иностранцев в Египте проливают новый свет на международные отношения и международное положение птолемеевского Египта в течение его истории. Как мы видели, среди иностранцев, прибывавших или проникавших в Египет, были: 1) завоеватели египетской земли, командующие армиями и различные командиры, 2) политические изгнанники, 3) заключенные, заложники, перебежчики. Специальный раздел освещает отношения Египта со странами Востока и Юга. Интересным, заслуживающим всяческого одобрения является опыт использования составителями переписки Зенона для выявления связей круга Аполлония и Зенона с заграницей. Чтобы узнать, насколько устанавливались или усиливались связи между Египтом и заграницей, составители подняли просопографию родителей, родственников, друзей, агентов и подчиненных Аполлония и Зенона.

Последний раздел VI тома просопографии посвящен культуре. Он содержит списки имен тех лиц, которые были подлинными деятелями в областях философии, науки, искусства и т. п. Имена меценатов, руководителей и др. здесь обоснованно не упомянуты. Авторы просопографии отметили трудности, с которыми им пришлось столкнуться при составлении этого раздела. Как известно, хронология выдающихся лиц александрийской интеллектуальной жизни очень неточна. Кроме того, известно, что их деятельность обычно была многообразна.

Поэтому в основной список такие деятели были внесены по главному виду их деятельности в области культуры. При этом их имена сопровождаются целым рядом отсылок в другие разделы VI тома и в другие предшествующие тома просопографии.

В раздел «Точные и прикладные науки» составители, как они сами об этом пишут, ввели четкое различие между греческой наукой в Александрии и наукой египетской, существовавшей в хоре на основе жреческих традиций и, по-видимому, ограничивавшейся астрологией. Это же различие продолжено и в разделе «медицина».

Следующие разделы просопографии посвящены литературе в широком смысле этого слова, музыкально-драматическим и пластическим искусствам. Простое число помещенных здесь поэтов разных жанров — 60, философов — 72, риторов — 13, грамматиков — 81 и т. д. указывает на уровень и богатство александрийской культуры. Но, кроме того, эти числа, как справедливо отметили составители, указывают и на ее специфику. Так, например, в условиях птолемеивской абсолютной монархии не было простора для деятельности риторов, что и отразилось на их числе. Списки историков, географов, мифографов, представителей иудейско-эллинистической литературы завершают этот раздел, за которым следуют списки музыкантов, актеров, танцоров и деятелей пластических искусств. Заслуживает одобрения стремление авторов просопографии специально привлечь внимание читателей к тореитике и к изображениям на геммах.

Том VI завершается разделами: «Воспитание», «Игры и празднества», где помещены списки лиц, начиная от гимназиспархов и кончая учителями и воспитателями, а также атлетами и различными участниками состязаний.

Трудно в кратком обзоре перечислить все богатство фактического содержания VI тома, которое, как и содержание предыдущих томов, помимо самостоятельной ценности является полем для дальнейших исследований. Персональные списки деятелей разного рода в количестве, достигшем в I—VI томах 17 250 лиц, могут показать нам сами по себе социальную, политическую и культурную структуру эллинистического Египта.

В конце обзора следует сделать несколько замечаний. По нашему мнению, не следовало бы подразделять науку на греческо-александрийскую и туземную, преимущественно астрологию и медицину. Как известно, древние египтяне развивали ряд наук. Египетская математика повлияла на греческую, то же можно сказать о достижениях и влиянии на греков египетской медицины и фармакологии. Поэтому и александрийская наука не была вполне чисто греческой. Эти разделы нуждаются в детализации и в пополнении новыми данными, что следует сделать при дальнейшей работе по продолжению просопографии. Надо уточнить и определение понятия рабства, упомянутое во введении к VI тому на стр. XII в связи с отсылкой к V тому. Конечно, можно согласиться с авторами просопографии, что рабство — это «более чем профессия», что это даже «скорее сословие». Но четкое определение социального положения рабов, конечно, облегчило бы исследователям просопографии составление списка рабов. Недостатком классификации является само заглавие этого раздела: «La domesticité». Такое определение рабства сразу ограничило возможности при составлении списка рабов. В VI томе просопографии встречаются отдельные опечатки: например, на стр. XLVII имеются отсылки на № 16915, в то время как должна была бы быть отсылка на № 16963.

В связи с использованием научной литературы следует пожалеть, что авторы просопографии, по-видимому, не смогли привлечь литературу на русском языке.

Заканчивая обзор, нельзя не упомянуть о новом оружии исследования, оказавшемся в распоряжении современных историков, — об электронных вычислительных машинах. Область просопографии античного мира явится плодотворным полем для их применения.

В заключение надо пожелать неутомимым исследователям и составителям птолемеивской просопографии успешного продолжения их интересного труда, важного и нужного для исторической науки об античности.

Н. Н. Пикус

D. DE DECKER, *La politique religieuse de Maxence*, «Byzantion», XXXVIII, 1968 (1969), fasc. 2, стр. 472—562

Деятельность Константина I и в частности его религиозная политика привлекает огромное внимание западноевропейских и американских историков: до-

статочно сказать, что К. Аланд насчитал около полутора тысяч работ, посвященных так называемому периоду Константина, которые вышли в свет за

последние полвека¹. Поэтому от исследования молодого бельгийского ученого Даниэля Де Деккера, посвященного предшественнику и сопернику Константина — Максентию, трудно ожидать новизны во всем: автор оперирует источниками, уже давно введенными в оборот, и многие из его положений в той или иной форме уже были высказаны раньше. Однако из широкого сопоставления этих источников и этих тезисов возникает оригинальная концепция, по-новому рисующая первые шаги Римской империи на встречу укрепляющемуся христианству. И хотя кое-какие штрихи нарисованной Де Деккером картины кажутся недостаточно обоснованными, чересчур смелыми, его точку зрения нельзя игнорировать. Для нашего читателя она тем более существенна, что в нашей литературе специальных работ о времени Константина нет, а в общих трудах отразились лишь традиционные суждения о его религиозной реформе.

Так, во «Всемирной истории» дарование свободы христианского вероисповедания связывается исключительно с деятельностью Константина (с Миланским эдиктом), Максентий не упоминается вообще, об эдикте Галерия нет ни слова². Согласно «Истории древнего мира», уже Константин Хлор, отец Константина, «был близок к христианам» и в своих владениях не допускал гонений на христиан. «Константин с самого начала своей правительственной деятельности пошел по этому пути»³. Еще решительнее традиционная точка зрения была высказана Н. А. Машкиным. «Максентий, — писал он, — был известен своим отрицательным отношением к христианству. Константин же, как и его отец, был сторонником веротерпимости»⁴. Такая позиция в общем и целом соответствует взглядам апологетов Константина — писателей начала IV в. Лактанция и Евсевия Кесарийского.

Де Деккер относится к традиции критически. Он начинает с того, что портрет Максентия в изображении Евсевия и Лактанция отвечал потребностям прокон-

стантиновской пропаганды. Перед читателем — не реальный персонаж, но воплощение всех качеств традиционного тирана, за исключением одного — пьянства. Исследователь касается, в частности, сообщения Евсевия, будто тиран предаст казни бесчисленное множество сенаторов, тогда как мы не только не знаем по имени ни одного казненного Максентием сенатора, но и, наоборот, находим при Константине тех же членов senatorской аристократии, что и при его предшественнике (стр. 476—482).

В самом рассказе Евсевия (Hist. eccl. VIII, 14, 1) имеется — вопреки тенденции автора — прямое сообщение о том, что Максентий распорядился прекратить гонение на христиан, — правда, Евсевий старается использовать и этот факт для того, чтобы бросить тень на римского узурпатора: он заявляет, что Максентий поступал так из лицемерия, желая подольститься к римскому плебсу (стр. 482 и сл.).

Итак, Максентий — по той или иной причине — прекратил преследования христиан. Но это еще не все. Де Деккер стремится доказать, что узурпатор и сам был христианином. Для доказательства он строит серию гипотез. Во-первых, Де Деккер полагает, что Максентий, сын Максимяна, носивший родовое имя Валериев, предназначался, как и сын Констанция Хлора, к тому, чтобы стать цезарем (стр. 486 и сл.). Во-вторых, в отличие от Константина Максентий так и не сделался цезарем, но был отвергнут тетрархами как недостойный (стр. 489). В книге Лактанция «О гибели гонителей» (De morte persec., XVIII, 7—11) отмечено, что сделано это было под нажимом Галерия, выступавшего в ту пору вдохновителем антихристианской политики. Причину враждебности Галерия к Максентию Де Деккер, основываясь на Лактанции, усматривает в отказе сына Максимяна совершить акт адорации по отношению к императорам (стр. 493). Отказ же от адорации он объясняет тем, что Максентий был христианином (стр. 496—499).

В подтверждение этой мысли Де Деккер ссылается на другое сочинение Лактанция — «Божественные установления» — и высказывает в этой связи две гипотезы: 1) «Божественные установления» были созданы не в Константиновской Галлии, как это иной раз утверждают без каких-либо оснований, но в той части Империи, которая находилась под властью Максентия; 2) в эпилоге «Божественных установлений» (Div. Inst. VII, 27, 15) Лактанций намекает на отказ Максентия совершать адорацию. «Тот, кто отвергает разум, — пишет Лактанций, — и, следуя интересам минуты, простирается на землю (намек на адорацию. — А. К.), будет наказан как предатель господина, [истинного] императора и отца». К сожалению, намек Лактанция слишком

¹ K. A l a n d, Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins, «Studia patristica», 1, 1957, стр. 549.

² «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 800; ср. В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. II, М., 1938, стр. 709—711; С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 700 и сл.; С. И. Ковалев, Е. М. Штаерман, Очерки истории древнего Рима, М., 1956, стр. 305.

³ «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1956, стр. 675 и сл.

⁴ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 551 (М., 1950, стр. 604; М., 1956, стр. 527).

туманен, чтобы настаивать на убедительности гипотезы Де Деккера.

Но был или не был Максентий христианином, его меры в защиту христиан несомненны. Это было первое прохристианское законодательство, результат политики, коренным образом отличавшейся от действий Диоклетиана и Галерия. Де Деккер показывает необоснованность предположения П. Алляра, будто еще до Максентия на тот же путь вступил его предшественник Флавий Валерий Север, следовавший примеру своего августа Константина (стр. 503). Далее Де Деккер останавливается на отношении Максентия к римским папам. Как известно, престол св. Петра оставался в начале IV в. некоторое время вакантным — до избрания папы Маркела. Дата этого избрания спорна. Де Деккер оспаривает предположение, будто Маркел стал папой еще при Севере, и отодвигает его избрание к 307—308 гг., к правлению Максентия (стр. 506 и сл.). Восстановив деятельность папства, узурпатор активно вмешивался в дела римской церкви: он сослал папу Маркела, а затем и его преемника Евсевия, но Де Деккер считает эти акции не проявлением враждебности к церкви как таковой, а попыткой за счет удаления некоторых лиц установить мир в христианской общине Рима, разрозненной и раздираемой противоречиями (стр. 507—513). Во всяком случае взаимоотношения Максентия с папой Мильтиадом (его избрание Де Деккер датирует не 311 г., как большинство его предшественников, но 2 июля 310 г. — мы сейчас увидим, какое значение имеет эта перенатировка) были прекрасными: по авторитетному свидетельству Августина, Мильтиад получил от Максентия постановление о возвращении всех церковных имуществ, конфискованных во время гононий (стр. 513). Постановление Максентия было опубликовано до эдикта Галерия о веротерпимости, изданного в 311 г. (напомним, что, по Де Деккеру, папа Мильтиад занял престол еще летом 310 г.), к тому же по своему размаху оно далеко превосходило эдикт, в котором отнюдь не шла речь о возвращении церкви отнятых у нее имуществ (стр. 514 и сл.).

Де Деккер обращает внимание на еще один любопытный факт: в 307—308 гг., т. е. в правление Максентия, монетный двор в Аквилее чеканил монеты с христианским символом — знаком креста (стр. 516—519). С инициативой Максентия связывает он и созыв церковного собора в Эльвире (Испания) в 309 г. (стр. 519—521).

Интересную гипотезу Де Деккер высказывает относительно предпосылок

эдикта Галерия, видя в нем не причину, но следствие прохристианской деятельности Максентия в Риме. Исследователь полагает, что в 307 г. Максентий, узурпировавший власть в Риме, порвал с Галерием, августом Востока. Он перестал признавать его консулат и в 308 г. объявил себя консулом. В течение двух лет он находился в союзе с Константином, выступившим против Диоклетиановой тетрархии (стр. 525—533). Однако в 310 г., после разрыва с Константином, Максентий вступил в переговоры с Галерием, в результате чего он 1 января 311 г. сложил с себя консулат. Галерий же, полагает Де Деккер, пошел навстречу Максентию и, в частности, даровал эдикт о религиозной терпимости. Стремление Галерия к союзу с Максентием Де Деккер объясняет тем, что август Востока пытался сохранить созданную Диоклетианом политическую систему тетрархии (стр. 542—546).

Изображая Максентия первым римским императором, активно поддерживавшим новую религию, Де Деккер, естественно, должен был затронуть и вопрос о деятельности Константина, с именем которого, как известно, традиция связывает признание христианства. Де Деккер показывает прежде всего, насколько безосновательны традиционные утверждения, будто уже отец Константина покровительствовал христианам: ведь даже Лактанций прямо упрекает Констанция Хлора в разрушении церковных сооружений (стр. 536—540). Далее, по мнению исследователя, Константин, по крайней мере в 310 г., оставался еще поклонником солнечного культа, а его отношение к христианству было совершенно безразличным (стр. 541). Наконец, религиозная политика Константина, искавшего поддержку у христиан и язычников, не отличалась, как полагает Де Деккер, в принципе от деятельности Максентия (стр. 549—560).

Пересматривая оценку политики Максентия и Константина, Де Деккер должен был бы подчеркнуть, что война между ними не могла быть столкновением галльских христиан и италийских язычников, и остановиться на критике традиционного рассказа о битве у Мульвийского моста и о так называемом видении Константина. Но хотя Де Деккер этого не делает и даже не высказывает своего отношения к этому рассказу, работа бельгийского ученого, несомненно, способствует критическому пересмотру традиционной константиновской версии событий, унаследованной от Евсевия и Лактанция.

А. П. Каждан